

С. А. БЕЛОКУРОВ

Из духовной жизни Московского общества XVII в.

<Фрагмент>

В делах Тайного приказа, среди бумаг царя Алексея Михайловича, мною найдено еще особое Сказание об успении пресвятой Богородицы, которое отлично от всех доселе известных. О нем в описи бумаг этого приказа, составленной в 1713 г., отмечено: «письмо из книг о успении пресвятыя Богородицы»; лежало оно в «дубовом ящике», в котором находились «собранные из разных мест столпы и тетради и в связках свертки письма и черненья руки блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича». Теперь оно хранится в Государственном Архиве (в Петербурге*)¹ в особой отдельной обложке; остальные дела этого отдела Архива состоят главным образом из бумаг Тайного приказа и самого царя Алексея Михайловича. Сказание написано на 8-ми ныне развернутых и расклеенных столбцах; кроме них здесь же находится еще особый 9-й небольшой лоскуток бумаги, служивший в прежнее время очевидно обложкою (столбцы прежде свертывались в трубку), на котором рукою конца XVII или начала XVIII века написано: «письмо о успении **пресявтые??**» и ниже «48» (вероятно №, под которым это дело значилось в прежнем каталоге). Столбцы, содержащие сказание (все они обычной ширины; длиною первые семь по 8 вершков, а последний 8-й столбец около 3 вершков), писаны одним неизвестным лицом, отчетливою крупною скорописью XVII века и кроме того в нескольких местах имеют поправки, «черненья», как говорили в старину, произведенные несомненно самим царем Алексеем Михайловичем. На обороте и по склейкам столбцов нет никаких помет, скреп и вообще каких-либо надписей.

Сказание это по своей форме отлично от всех доселе известных, находящихся в рукописях и старопечатных книгах: это ни слово

---

* Разряд XXVII, дело № 337.

ап. Иоанна Богослова, ни слово Иоанна архиеп. Солунского, ни какое-либо из других сказаний, приписываемых еп. Мелитону или Иосифу Аримафейскому². Это — особое литературное произведение, но не самостоятельное, а представляющее из себя дословную компиляцию из слов ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, весьма сильно сокращающую их. Оно имеет здесь и особое свое заглавие: «оуспению пресвятей Богородицы»; слово ап. Иоанна Богослова озаглавливается: «месяца августа 15, слово св. Иоанна Богословца о покое св. Владычицы наша Богородицы. Отче благослови», а слово Иоанна архиеп. Солунского: «месяца августа в 15 день слово на успенье св. Богородицы Ивана архиеп. Селунскаго правоверна св. мужа слово исписан о преставлении пресв. пречистыя Владычицы наша Богородицы приснодевы Марии». Первая половина найденного мною сказания списана из слова Иоанна архиеп. Солунского*. Начинается она здесь теми же словами: «егда прииде время изыти от телеси пресвятей Богородицы, прииде к Ней великий ангел и рече Ей...» и проч. Но составитель этого нового сказания, дословно списывая Иоанна архиеп. Солунского, в тоже время постоянно сокращает его слово, выкидывая не только фразы, но и целые периоды и рассказы. Так из заимствуемого им начала слова, заключающего в себе 40 строк, он исключает 16 строк; далее он пропускает из слова Иоанна архиеп. Солунского 244 строки** и затем берет отсюда же, из слова же Иоанна архиеп. Солунского 17 строк, выкидывая только в одном месте полстроки. После этого он обращается к слову ап. Иоанна Богослова, из середины которого заимствует несколько строк: из целого отдела его, заключающегося на 117 строках, он берет 47 строк, выкидывая остальные 70 строк (начало слова ап. Иоанна Богослова первые 107 строк и последние — 32 строки совсем опускает). Заключительные строки своего сказания автор берет опять из слова Иоанна архиеп. Солунского, именно из его второй половины, оставляя затем без внимания все остальное, находящееся в нем (93 строки). Таким образом, начало и конец нашего сказания взяты из слова Иоанна архиеп. Солунского, а середина из слова ап. Иоанна Богослова, причем $\frac{6}{7}$ этих слов выкинуто (из 660 строк, заключающихся в обоих словах, выкинуто около 560 строк и оставлено только около 100 строк, немного даже менее).

---

* См. листы 1–4 и слово Иоанна архиеп. Солунского по изданию Андрея Попова в Чтениях в Императ. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете за 1880 г. кн. III, стр. 46–60.

** Об этом пропуске см., впрочем, замечание ниже на стр. 16.

Я позволю себе отметить, что именно исключено из слов ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского составителем найденного мною сказания при первоначальном его редактировании (о поправках царя Алексея Михайловича речь будет ниже).

Первую половину сказания автор, как я говорил, берет из слова Иоанна архиеп. Солунского и первые 13–17 строк его дословно сходны с словом, но затем автор выпускает рассказ о хождении пресвятыя Богородицы вместе с великим ангелом на гору Елеонскую и о поклонении им деревьев, о собрании Богородицею к себе знаемых, прощании с ними и все речи Ее, говоренные при этом (об исходе души из тела), о приходе ап. Иоанна, об его скорби при вести о приближающейся кончине Божией Матери, об утешении его Ею, о пришествии апостолов по воздуху к Богородице, их приветствиях, рассказ ап. Иоанна, как он из Ефеса прибыл в Иерусалим и все «слово назидания» апостола Петра. После этих пропусков опять начинаются в найденном мною сказании заимствования из слова Иоанна архиеп. Солунского о приготовлении Богородицы к успению и пришествии к ней Господа. Заимствование из слова Иоанна архиеп. Солунского оканчивается на предсмертной речи Богородицы, после чего автор обращается к слову Иоанна Богослова и из середины его берет молитву Богородицы, присоединяет ее к предыдущей и из обеих этих молитв делает одну. Из слова Иоанна Богослова автором взято также: рассказ об извещении апостолов, что успение Божией Матери будет в воскресенье, о пришествии в Ней Господа и дальнейшее повествование об Ее успении и принятии Ее души Господом. — Из слова Иоанна Богослова автор исключает рассказы: прежде всего всю первую его часть вплоть до начала заимствования (об обыкновении пресвятой Девы ходит на Господень гроб молиться, об извещении Ей о приближающейся кончине, о пришествии ап. Иоанна и всех апостолов по воздуху, рассказы их об их путешествии, о волнении среди иудеев и их жалобах игемону и просьбе удалить Богородицу из Вифлеема, о перенесении Божией Матери по воздуху из Вифлеема в Иерусалим), затем из заимствуемого отдела рассказы: о бывшем громе и пришествии вой ангельских, о последовавших чудесах, о посылке тысящника в Вифлеем для удаления оттуда Божией Матери и апостолов, о перенесении Божией Матери и апостолов по воздуху из Вифлеема в Иерусалим, о попытках иудеев сжечь дом Богородицы в Иерусалиме, и, наконец всю последнюю часть этого слова, содержащую повествования: о перенесении тела Богородицы апостолами, о нападении при этом жидов на гроб и последовавших чудесах, о принесении тела Богородицы в рай апостолами и о виденных ими там лицах. После отмеченного из слова ап. Иоанна

Богослова заимствования автор обращается опять к слову Иоанна архиеп. Солунского и берет оттуда свои заключительные 10 строк, именно о повелении Господа ап. Петру скутать³ тело Божией Матери и о последовавшем от тела возгласе и ответе Господнем. Конца слова и Иоанна архиеп. Солунского в найденном мною сказании также нет. Именно опущено известие о передаче души Богородицы архангелу Михаилу и о внешнем ее виде, о перенесении тела Богородицы в Гефсиманию⁴, о последовавших при этом нападениях со стороны жидов и чудесах, об отсечении невидимым мечем руки одного жида, хотевшего уронить гроб Богородицы.

Но кроме этих отмеченных мною исключений из сказаний ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, сделанных составителем найденного мною сказания, в нем находятся, как я говорил, различные исправления, принадлежали царю Алексею Михайловичу и состоящие главным образом в исключении тех или других строк, от 2 до 12 на столбце (на столбце всего около 25 строк; зачеркнуто на 2 столбце 2 строки, на 3-м — 12, на 4-м — 5, на 6-м — 9), и в прибавлении некоторых слов или фраз, необходимых для связи речи. Что поправки эти сделаны самим царем, в этом не может быть сомнения. За это говорит: 1) почерк поправок: при сличении его с бумагами, писанными, несомненно, самим царем, например, его письмами к сестрам, хранящимися в том же Государственном Архиве, не трудно убедиться в тождестве обоих почерков; 2) местонахождение этого сказания — среди бумаг самого царя Алексея Михайловича; 3) свидетельство описи 1713 г., приведенное выше и 4) известное расположение, любовь этого царя к церковным вопросам*.

Эти последние исправления я теперь и перечислю.

Первая поправка находится на втором столбце. После ответа Господа Богородице о том, что Он Сам придет по душу Ее, первоначально в этом сказании следовали, как и в слове Иоанна архиеп. Солунского, слова: «ныне убо приблизися болезнь рождаючи и помолися глаголющи: благодарю Тя, свет превечный» и пр. Царь Алексей зачеркнул: «ныне убо приблизися болезнь рождаючи и помолися глаголющи» и вписал: «и рече святая Мария», так

---

* В тех случаях, когда при исправлении что-либо написано царем, не может быть и речи о непринадлежности этой поправки царю. Но иногда поправки состоят только в вычеркивании слов (без написания чего-либо); так как это последнее произведено теми же чернилами, что и зачеркивания с надписями (следов. несомненно царя Алексея Михайловича), то следует думать, что и одно вычеркивание произведено тою же рукою т. е. царем Алексеем Михайловичем.

что согласно исправлению это место так должно читаться: «и рече святая Мария: благодарю Тя, свет превечный» и пр.

На следующем третьем столбце находится наибольшее место из всего сказания, подвергнутое исключению, 12 строчек, ½ столбца. Царем Алексеем сперва, вероятно, были зачеркнуты следующие строки, находящиеся в середине всего исключенного отделения: «свидетельствуют (гром и воня благоухания)⁵ о преславней чистой Владычице истинныя Богородицы Марии и славе Ее», потом уже, вероятно, исключены 5 строк до этого места и 5 строк после этих строк, зачеркнутые поперечной чертой. Судя по находящимся в начале и конце сего отделения выносным знакам и тем же знакам, находящимся на 5 столбце, нужно думать, что все эти строки должны быть перенесены или сперва предназначались к переносу на 5 столбец. На этих строках говорится о бывшем громе и воне благоуханья и о пришествии к Богородице Господа с архангелом Михаилом.

На 4 столбце слова: «сущим нам с Нею апостолам в Иерусалиме рече св. Дух» исправлены царем Алексеем Михайловичем так: «и рече св. Дух ко апостолам во Иерусалиме». В этом же столбце при изложении важности воскресного дня совсем выкинуты слова: «и в неделю чада иерусалимская с ваиями изыдоша противу Исусови во стретение его глаголюще: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне».

На 5 столбце сделаны царем Алексеем выносные знаки, о которых я говорил, и тут же прибавлены слова: «и паки».

На последнем столбце (6) с поправками царя Алексея Михайловича встречаем их несколько. На всем этом столбце излагается молитва Богоматери, начинающаяся на предыдущем столбце и заканчивающаяся на последующем. Молитва эта, с которою пресвятая Дева обращается к Господу пред своею смертью, составлена из трех Ее молитв, находящихся в слове Иоанна Богослова. Указание на это, на то, что это три разные молитвы, и выкинуто царем Алексеем, так что в исправленном виде все эти молитвы сливаются в одну. Именно, здесь по окончании первой молитвы выкинуты царем Алексеем слова: «помоливжеса Мати Господня, рече в своей молитве сице: Боже еси с небесе послал благостию едиnorodнаго Твоего Сына вселитися в смиренное мое тело и родитися от Мене». Последние слова, слова молитвы, быть может, исключены потому, что предшествующие этому строки первой молитвы излагают то же самое, именно: «Господи..., прими рабу твою, изволивый родитися от Мене смиренныя спасения ради рода человека». После этого исключения на следующих далее трех строках продолжается молитва Богоматери, и затем царем Алексеем делается опять исключение 4 строк, первая из которых

опять указывает на то, что далее идет особая молитва; именно выкинуты слова: «и паки помолися рече: Господи Царю Владыко, иже вся можеши на небеси и на земли, сие моление приими, молю имя Твое святое на всяко время». Дальнейшие изменения, сделанные царем Алексеем Михайловичем, состоят в замене слова «ему» — «им» и в приписке союза «и» в двух местах и слова «твое».

Благодаря всем этим исключениям, произведенным составителем нового сказания об успении пресв. Богородицы и царем Алексеем Михайловичем, оно является пред нами в ином, отличном от всех других сказаний, виде. Об успении пресвятой Богородицы здесь так повествуется: когда приблизилось время «изыти от телеси» пресв. Богородицы, к Ней пришел «великий ангел», который, отдавая Ей «вравие»⁶, предупредил о предстоящей скорой кончине Ее и собрании к Ней апостолов для погребения. На вопрос Божией Матери об имени его и почему он принес одной Ей только вравие, ангел, уклонившись от сообщения имени своего, убеждал не сомневаться о вравии и обещал при кончине Ее придти не один, но с «вои ангел». После этого ангел исчез, а пресв. Дева вошла в дом свой, который потрясся «славы ради вравия сущаго в руце Ее». Положив вравие в «плащаницу», она обратилась затем с молитвой к Господу о том, чтобы Он защитил Ее при исходе, «да ни едина власть придет на Мя в час он», чтобы Он Сам пришел к Ней. «Возшедшу же солнцу и восставши», св. Мария обратилась снова с молитвой к Богу: «призри на молитву Матери Своя, скончай глаголанная Ми Тобою». По молитве она легла на одр, «ап. Петр сидяше возгавии Ея, Иоанн у ног, прочии апостолы около одра Ее». Приходит в дом Господь. Пресв. Дева благодарит Господа за приход. Св. Дух, указав апостолам на важное значение воскресного дня в евангельской истории, предупредомляет их, что и успение пресвятой Богородицы последует в воскресенье. В воскресение Божия Мать говорит апостолам о скором приходе Господа и приказывает вложить фимиам в кадьницы. Приходит Спаситель со множеством ангелов во славе. По просьбе Ее он благословляет Ее. Богородица обращается с молитвой благодарственной и потом просительной за «весь род». Господь, утешив Ее и обещав исполнить Ее просьбу, обращается к ап. Петру со словами: «приспе время, начни пение». При отпевании «силы небесныя отпеша аллилуия», лице Божией Матери просветилось паче солнца, а Она благословила каждого апостола. Господь, приняв душу Ее, приказывает ап. Петру «скутать» тело Девы Марии. Изложением последнего возгласа тела Ее, ответа Господа и словами: «се глаголя Спас невидим бысть» оканчивается найденное мною сказание об успении пресв. Богородицы.

В этом своем сокращенном виде оно ближе всего стоит к тому сказанию, которое помещалось и ныне помещается в Прологах⁷; но оно значительно отличается и от этих сказаний*. Проложное сказание начинается известием об обычае Богородицы ходить для молитвы на гору Елеонскую, где поклонялись Ей деревья. Этого нет в сказании царя Алексея Михайловича, но в последнем вместо этого помещается отсутствующий в проложном сказании рассказ о явлении Богородице вел. ангела и даче Ей вравия. В сказании царя Алексея нет находящихся в Прологе известий о предсмертных распоряжениях Богородицы, о шествии апостолов по воздуху и их скорбях по случаю предстоящей кончины Ее; но за то находится отсутствующее там: о двукратном пришествии к Божией Матери Господа, молитвы Ее и известие о последнем возгласе тела Божией Матери и Господнем ответе. В сказании царя Алексея далее выпущены проложные известия о перенесении тела Божией Матери, последовавших исцелениях и отсечении руки и об ап. Фоме, обнаружившем взятие тела Богородицы на небо.

Таким образом, найденное мною сказание об успении пресв. Богородицы значительно разнится и от проложного сказания.

Как уже выше было говорено, новое сказание, содержащее выписки из слов ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, писано на отдельных столбцах. В виду этого может быть поставлен вопрос о сохранности столбцов, содержащих новое сказание: все ли они дошли до нашего времени? Предположив пропажу части столбцов, можно далее построить гипотезу, что новое сказание представляет из себя не что иное, как часть тех столбцов, которые, если бы все сохранились, содержали оба сказания (в их полном виде) ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, списанные каждое отдельно; а теперь де вследствие пропажи в середине и конце столбцов и кажется, что это особое сказание.

На обороте столбцов, как уже сказано, нет никаких помет, вследствие чего при ответе на сей вопрос мы не можем пользоваться этим наиболее легким и верным способом решения вопроса. Но, во всяком случае, только что изложенное предположение не может быть принято. Дело в том, что не все столбцы излагают текст *одного* только

---

* Мной просмотрены Пролога: рукописные Синодальной Библиотеки № 240, 241, 243 и 686 и печатные Московского издания 1643, 1660, 1662, 1792 и 1802 г. — В Святцах, изданных в Москве в 1648 и 1659 гг., об успении Божией Матери говорится на 3-х только строках. — В Минеях общих с праздничною также нет сказаний каких-либо; смотрены мной изд. Московского 1645, 1650, 1653, 1660, 1663 и 1803 гг.; также нет их и в Минеях месячных, Анфологионах (изд. Москва 1651, 1660, 1803 гг.) и Акафистах, изданных в Киеве, в 1674 г.

того или другого сказания (ап. Иоанна Богослова или Иоанна арх. Солунского): на двух столбцах 4-м и 7-м приводится сперва несколько строк из одного сказания, а потом из другого; столбцы эти не имеют склеек, следовательно, пропуски различных мест из сказаний ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, находимые в новом сказании, обязаны своим происхождением составителю его, а не тому обстоятельству, что столбцы, содержавшие отсутствующие места, не дошли до нашего времени. Таким образом, пред нами все-таки особая редакция сказания об успении пресв. Богородицы.

Но вместо только что изложенного предположения может быть высказано другое: быть может, эта особая редакция сказания дошла до нас не в полном виде? Быть может те пропуски различных подробностей, которые отмечены выше, потому только на лицо, что пропали столбцы, содержавшие их?

Относительно начала и конца сказания мы можем положительно отвечать, что наше сказание их имеет: сомнения в первом никакого быть не может, а за второе говорит внешняя форма последнего столбца. Все столбцы найденного мною сказания одинаковой длины: исключение представляет только последний 8-й столбец, который почти в 3 раза короче всех. Это обстоятельство и указывает на то, что пред нами заключительные слова сказания: при прежней скупости на бумагу писец, видя, что остается написать только несколько строк ($3\frac{1}{2}$), намеренно взял небольшой столбец бумаги, или отрезал часть ее; за это говорит также и то, что кроме исписанного остается на последнем столбце еще чистого места строк на 5, на котором и было бы написано продолжение, если бы оно было. Следовательно, вопрос может быть только о целостности середины сказания, нет ли пропусков между столбцами? Сличая новое сказание с известными текстами сказаний ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, мы приходим к тому результату, что между всеми столбцами, за исключением одного места (между 2 и 3 столбцами), речи о пропуске быть не может, что речь, кончающаяся на одном столбце, продолжается на следующем столбце. В пользу этого могут быть указаны и внешние признаки. Как известно, при прежнем способе письма на столбцах, приклеивавшихся друг к другу, обычное явление, что окончания букв или росчерки с одного столбца переходили на другой, от последней строки предыдущего столбца на последующий, равно как и обратно от первой строки последующего столбца на предыдущий. Если присоединить столбцы нового сказания друг к другу так, как они некогда были склеены, то части букв и росчерки вполне совпадут с окончаниями их на другом столбце. Следовательно, между столбцами нет пропуска.

Сомнение может быть (точнее не столь наглядные и убедительные доказательства могут быть представлены) только относительно одного места, именно между 2 и 3 столбцами. На втором столбце заканчивается рассказ о явлении пресв. Деве Мария «великаго ангела» и излагается Ее молитва; на третьем же столбце говорится о восходе солнца, о молитве Богородицы и Ее приготовлении к смерти, причем упоминается и о присутствующих при этом апостолах. По полному тексту сказания Иоанна архиеп. Солунского между этими столбцами пропуск в 244 строки. Это обстоятельство, конечно, может возбуждать подозрения. Кроме того могут быть указываемы внутренние основания для предположения о пропуске. В новом сказании ничего не говорится о том, как очутились при Божией Матери апостолы: не говорится ни того, чтобы они были пред успением Богородицы около Нее, ни чтобы они были собраны с разных концов земли и перенесены по воздуху: они являются (на 3 столбце) действующими неизвестно откуда и когда прибывшими. Эти два обстоятельства и могут давать основание предполагать между 2 и 3 столбцами нового сказания пропуск, пропажу столбцов, на которых излагалось если не все, то по крайней мере, часть того, что находится в соответствующем месте сказания Иоанна архиеп. Солунского (стр. 48–60 по изданию Андрея Попова) и особенно рассказа о собрании апостолов в Иерусалим к пресв. Деве Марии.

В подтверждение или опровержение этого мнения мы не можем привести решительных доказательств на основании внешних признаков. Последняя строка 2-го столбца и первая 3-го, к сожалению, не заключают букв, окончания или росчерки от которых переходили бы на другой столбец. Судя же по следам, оставшимся от склейки (неровному краю в одном месте на 3 столбце, причиной чего была неосторожность при расклейке, и наоборот утолщению в этом же месте на 2 столбце вследствие оставшегося кусочка бумаги от другого столбца), нужно думать, что 2 столбец в прежнее время был приклеен к 3-му, и что, следовательно, и между ними нет пропуска.

Найденное мною сказание об успении пресв. Богородицы, как я говорил, представляет новое неизвестное доселе произведение.

Редактирование его, как уже сказано, принадлежит несомненно царю Алексею. Вопрос может быть только о том — кто составил это сказание, в его первоначальном виде, в том виде, который уже потом исправлял царь Алексей Михайлович. Отсутствие при произведенных тщательных розысках в московских библиотеках среди рукописей и старопечатных книг другого списка найденного мною сказания, равно как и молчание других исследователей о существовании его где-либо, устраниают совсем мысль о том, что

оно списано с какого-либо находившегося в рукописях или старопечатных книгах сказания, что оно есть копия существовавшего уже сказания, которым царь Алексей был недоволен и подверг исправлениям. Шероховатости в слоге составителя первоначальной редакции, вызвавшие стилистические поправки царя Алексея, также указывают на то, что пред нами новое литературное произведение, которое только что составлялось, а не то, которое находилось уже в употреблении»*.

Внешняя форма бумаги, на которой писано сказание, столбцы, — форма исключительная для литературных произведений⁸, равно как и самый почерк, которым писано все сказание, дают основание предполагать, что оно написано каким либо подьячим. Нахождение этого сказания среди бумаг приказа Тайных дел, приказа состоявшего в ближайшем заведывании самого царя Алексея Михайловича, позволяет присоединить к этому, что сказание писано подьячим, *вероятно*, Тайного приказа. Но кто именно из подьячих Тайного приказа писал это сказание, — неизвестно**.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что текст найденного мною сказания следует очевидно текстам сказаний ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, находящимся в Макарьевской Четии Минеи⁹. (См. слово Иоанна архиеп. Солунского, напечатанное Андреем Поповым по списку XIV века Троице-Сергиевой лавры с разночтениями слова по Макарьевской Четии-Минеи). Писец поновляет только слог, вместо «прейде» пишет «прииде», вместо «телесе» — «телеси», вместо «великий» — «великий» и т. п.; отступление он делает в одном месте: вместо «се рек к ней ангел, быв яко свет, взиде на небеса» он пишет: «и се рек невидим бысть». (См. Попова стр. 47–48 и л. 2 сказания.) Если бы можно было доказать, что при составлении нового сказания автор пользовался Макарьевскими Четии Минеями, в которых находятся оба слова и ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского, что он отсюда списывал их, то следовал бы вывод, что составитель нового сказания находился в Москве, что было бы вполне согласно с только что высказанным предположением, что оно писано подьячим Тайного приказа.

---

* См., напр., на 2 столбце зачеркивание слов: «ныне убо приближися болезнь раждаючи и помолися глаголющи» и припись слов: «и рече св. Мария»; на 4-м столбце исправление: «сущим нам с нею апостолом во Иерусалиме рече святыи Дух» на «и рече святыи Духко апостолов во Иеросалима» и др.

** Довольно любопытный факт представляет то обстоятельство, что слово «Иисус» полностью он пишет чрез одно и — «Иисус».

Был ли этот подьячий простым писцом, переписчиком чернового, или он же был и составителем так сказать черновой редакции памятника, это — опять вопрос: материала для ответа на него мы не имеем почти никакого. Судя по работе писца, по некоторым мелочам, например, по недописке строки в тех случаях, когда далее следовал пропуск, по различным стилистическим поправкам царя, нужно думать, что писец нашего сказания скорее был простым переписчиком, чем составителем; он или переписал черненный экземпляр¹⁰ или, что, пожалуй, вероятнее, списал его с рукописей согласно данным ему указаниям, — что писать, что пропустить и пр. т. п. В этом последнем случае лицо, так сказать размечавшее рукописи, и должно быть считаемо составителем сказания. Если царь Алексей давал указания, откуда и что именно должно быть списано, если ему принадлежат разметки тех литературных произведений, из которых сказание составлено, сшито, то он же должен считаться и составителем его. Допущение этого предположения нисколько не будет противоречить тому, что мы знаем о сем царе. Религиозность его и любовь к вопросам, относящимся до церкви, достаточно известны; известна также наклонность его и к литературному творчеству. Естественнее также предположить, что царь Алексей исправлял (с таким вниманием, касавшимся самых мелких подробностей — союза «и» и пр. т. п.) свое собственное произведение, чем чужое*.

---

* В тех же делах Тайного приказа (Государств. Архив, разряд XXVII, д. № 1) находим еще другое литературное произведение, писанное также на столбцах и представляющее текст памятника отличный от доселе известных; именно здесь на 25 столбцах заключается вторая половина сказания «о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русского», напечатанного П. Строевым в Софийском Временнике¹¹, ч. I, М. 1820 г., стр. 383–394 и И. М. Снегиревым в Русском Историческом Сборнике Московского Общества Истории и Древностей Российских, М. 1838 г., т. III, кн. 1, стр. 81–106. Первые столбцы сказания и сохранились, а из уцелевших первые 3–4 сильно повреждены. Оно здесь начинается по печатному изданию в Софийском Временнике с стр. 387 с 13 строки сверху. Варианты¹² частые, но мелкие, состоящие в исправлении слога и выражений (один любопытный вариант к стр. 388: вм. «без воли бояр» здесь читается «без совета»). Пропусков нет, но наоборот встречаются по местам вставки. На столбце 8 (стр. 389) после слово 4-м сыне сюда с стр. 391 переносится речь о 5, 6 и 7 сыновьях («пятый же сын... преставися»), за которой следуют последние слова столбца: «и таковое завещание утверди златопечатною грамотою». На столбце 9-м после присоединения нового заголовка: «преставление великого князя Дмитрия и плачь великия его княгини» продолжается сказание, «и конечное целование дая великой своей княгине и чадом своим»... и т. д. см. стр. 389. Конец его здесь находящийся (лл. 13–14, печатн., стр. 391)

Но допустим ли мы это предположение или нет, во всяком случае, за царем Алексеем остается несомненное право — право на редакторство этого памятника. Мы выше уже говорили, что об этом, т. е. о том, что царь Алексей был редактором нового сказания, не может быть и сомнения. Всех его редакционных поправок насчитывается около 13. Они состоят или в прибавке слова или союза для ясности речи, в замене некоторых фраз другими или в исключении совсем иных мест. Царь Алексей особенно, кажется, старался о том, чтобы удалить из сказания все намеки на процесс составления его, на то например, что приводимая в сказании речь или молитва составлена из нескольких речей или молитв. Новое сказание значительно короче его оригиналов-слов ап. Иоанна Богослова и Иоанна архиеп. Солунского. Но царь Алексей при своем редактировании нашел нужным сделать еще несколько исключений, выпустить несколько лишних мест. К своей работе он относился очень внимательно. За это особенно говорят его немалые поправки стилистиче-

---

отсутствует в печатном тексте:...и преподобный игумен Сергий великий чудотворец, Пимин бо митрополит всеа Русии тогда бысть во Цареграде. И тако погребению предавше благородное и святое тело великого князя (л. 14) Димитрея и разыдошася. Аще тогда многа плача наполнившеся, но обаче мы, ныне поминающе доблественные его подвиги и богоугодное житие, радуемся и веселимся, славяще и благодаряще Христа Бога нашего, Ему же слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веком. Аминь». После этих слов здесь (л. 14) под новым заголовком, отсутствующим в печатном тексте: «похвала вкратце великому князю Димитрею, в ней же явлено есть чудо и како свеща небесным огнем сама возгореся у гроба», продолжается сказание: «о страшное чудо, братие, и дива исполнено *и пр.*, см стр. 391. Оканчивается похвала (л. 17, стр. 392) следующими словами: ... «многим прародителем славу прорасти. Тако и той, о нем же не усумнуса рещи, яко во всю землю изыде слава его (л. 18) и в конца вселенныя величества его». За Похвалой читается следующее «чудо о свещи, возгоревшейся небесным огнем», которого нет в печатных текстах: «и якоже ион в жизни своей прослави Бога и угодная пред Ним сотвори, сице и преблагии Бог щедротами своими наипаче сугубо прослави его не токмо в животе, но и по преставлении всем являя сего совершенно своего угодника и дивно свыше прославляя его. Славящая бо Мя прославлю, рече Господь. Якоже бысть в лето благочестиваго христолюбиваго великого князя Василья Ивановича самодержавнаго царя и государя всеа Русии внука великого князя Василья Васильевича, правнука его прехвалнаго великого князя Дмитрея Ивановича, в церкви святаго архистратига Михаила у гроба сего святопочившаго самодержавнаго великого князя Дмитрея свеща небесным огнем сама о себе возгореся и необычным светом оба полы светяше и на многи дни горяше, воску же (л. 19) не умаляшеся; есть же та свеща и до ныне в церкви той, от нея же мнози с верою приимаху воску оного и от различных болезней здравие приимаху». Далее под заголовком «паки похвала» следует продолжение сказания: «кому уподоблю сего блаженного великого князя Дмитрея Ивановича царя Руския

ские (прибавки союза «и» и т. п. мелочи): он не только «составлял» сказание, но и всюду исправлял его слог; очевидно, ему хотелось, чтобы сказание было возможно лучшим не только с внутренней, но и с внешней стороны.

Для ответа на вопрос — чем вызвана была эта работа, какая была конечная цель, мы не имеем решительно никакого материала. Ни в сказании, ни где-либо и в каких-либо памятниках или исторических документах мы не встречаем никаких намеков в объяснение этого. Иконография успения пресв. Богородицы также ничего не дает нам. Признаваемая древнейшею на Руси, икона успения Божьей Матери (XI в.), находящаяся в Киево-Печерской лавре¹³, изображает это событие так же, как и древние иконы Восточной церкви (X–XII вв.): при одре Богородицы находятся Иисус Христос с парящими ангелами и 12 апостолов, жиды Афонии нет*. Древнейший русский подлинник дополняет это изображение прибавлением 2 жен вдов и 2-х святителей. Местная икона Московского Успенского собора, приписываемая митроп. Петру, представляет это событие в еще более распространенном виде: кроме большего числа апостолов при одре пресв. Богородицы, находящемся в Ее храмине и Господа с Ее душою, здесь находим еще

земли и пр., см. стр. 393. Оканчивается на л. 23 (печ. стр. 394)... словами: «и животворящим его Духом ныне и присно и во веки веком. Аминь». Сказание в печатных текстах на этом и прерывается, но здесь (на лл. 23–25) вслед за ним написано еще следующее «**вмале** сказание о блаженной великой княгине Евдокии во инокинях Евфросинии, супружницы достохвалнаго великого князя Дмитрея Ивановича Донского»:

«Кто доволен изглаголати силы Господня или поведати вся чудеса Его, колика же и какова (л. 24) и милость Его вроды и роды на боящихся Его и на творящих святую Его волю? И якоже в повестницех явлено бяху, иже от начала в Рустей земли благочестия основания и православныя веры утверждение богоизбранный самодержец равноапостолный великий князь Владимир, ему же предшественница бяше таковыя благодати баба его святая и блаженная и пресловущая в премудрости великая княгиня Ольга, и сих благочестия исправлению и богоугодному житию бесчисленное множество людие великие державы их мужеска полу и женска ретяхуся¹⁴ последовател не быти, наипаче же самодержавнии, в них же мнози праведни бяху и Богом прославлени и памяти их, яко светила, в мире сияют, от них же бе и сия похвалению достайная святая и христоролюбивая великая княгиня Евдокия, иже бысть благочестная супружница блаженнаго и достохвалнаго великого князя Дмитрея Ивановича, дщи¹⁵ князя Дмитрея Костянтиновича Суждалского, и на веом усердно подобства (л. 25) богоугодному исправлению державнаго и благонаправнаго си святаго супруга, с ним же едино мудрено в заповедех Господних благозаконно живуци, породи ему сынове и дщери и воспита их благочестно. Пребысть же в супружстве 22 лета».

* Изображение ее см. у Фундуклея в Описании Киева.

«боготечные звезды» — апостолов, в сопровождении ангелов переносимых по воздуху в Иерусалим, и жида Аффония, стремящегося уронить гроб пресв. Богородицы и наказуемого за то отсечением рук*. Эта последняя подробность — случай с жидом Аффонием, по мнению некоторых, появляется на иконах в сравнительно позднее время главным образом в XVI–XVII веках и отчасти в XV в. На иконах XVII в. Московской Руси жида Аффония мы встречаем постоянно, но на киевских иконах мы его не находим. О том, чтобы в XVII в. последовала какая либо перемена в иконографии успения пресв. Богородицы или чтобы о сем было какое либо правительственное распоряжение решительно ни откуда не видно и на это нет нигде никаких намеков**. Поэтому и невозможно что либо сказать: стоит ли появление нового сказания в связи с последовавшею в то время переменою в иконографии или нет. Но нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в XVIII столетии изображение успения Божией Матери чаще изображалось в сокращенном виде, без жиды Аффония, и более приближалось к древнейшему и простейшему виду его — на киевской иконе***.

В объяснение происхождения нового найденного мною сказания об успении пресвятой Богородицы могут быть высказаны два предположения.

---

* Старинное описание украшений этой иконы, из которого можно составить некоторое понятие и о самом изображении, см. в III томе Русской Историч. Библиотеки, Спб., 1876 г., стр. 568–570.

** Об иконографии успения пресв. Богородицы см. в цитованной статье А. И. Кирпичникова и новом труде Н. В. Покровского «Очерки памятников православной иконографии и искусства с 150 рисунками», Спб. 1894 г., стр. 2 «8, 261, 281, 289. Ср. Иконописный подлинник сводной редакции XVIII в., изд. под редакцией Г. Д. Филимонова, М. 1876 г., стр. 418–420. По этому подлиннику успение Божией Матери пишется так: «в храме или дому св. Иоанна Богослова пресв. Богородица лежит честно на украшенном одре, вокруг которого находятся апостолы, Дионисий Ареопагит, Иерофейдивный и Тимофей, тако же и прочия от 70 апостолов; при апостолах множество народа предстоящих благоговейных мужей и жени честнейших девиц... Покров храмина зряшеса отверсти Господь в великой славе и светлости, со тмами архангелов и ангелов прииде к пречистой своей Матери и поят Ее душу... Дом Иоанна Богослова множеством облаков окружен, Божиим бо повелением ангели святии, восхитивше св. апостолов от конец вселенныя, внезапно принесоша на облацехво Иерусалим»... В Гефсиманском скиту¹⁶ около Троице-Сергиевой лавры есть икона Успения, присланная в 1850 г. из древней Гефсиманской близ Иерусалима церкви, и несколько других; но все иконы не старые. См. Гефсиманский скит, сост. иеросхимон. Авелем. М. 1867 г. стр. 12.

*** См. материалы по этому вопросу в собрании Г. Д. Филимонова.

Первое основывается на форме сказания, приближающейся наиболее к форме проложного сказания; что и дает повод думать — не предполагалось ли оно к замене того сказания, которое мы находим в Прологе и которое читалось в Успенском соборе за праздничной всенощной? * Против этого могло бы говорить то уважение и даже пожалуй благоговение, которое питали наши предки к писанному или печатному слову. Но в данном случае это обстоятельство, кажется, не должно иметь место. Пролог, как известно, был напечатан в Москве впервые только в 1643 году по одной славянской рукописи, которая при печатании подвергалась исправлениям, и потому к тексту его могли относиться с большей свободой.

На другое предположение наводит мысль: нет ли какой-либо связи между новым сказанием и киевским изображением успения пресв. Богородицы, которое при царе Алексее, когда, как известно, в Москве было сильно киевское влияние, могло быть привезено киевлянами, или вообще изображением успения в сокращенном виде, близком к киевскому изображению? Не предназначалось ли новое сказание к тому, чтобы служить так сказать оправданием киевского и сокращенного изображений этого события, отсутствия на нем жиды Аффония, апостолов, переносимых по воздуху и прочих иконографических подробностей? Одну из подобных икон с сокращенным изображением события успения Божией Матери и потому в данном случае представляющую особенный интерес находим в Московском Успенском соборе над дверьми в Петропавловский придел. Икона эта, писанная на «цке выгибной»¹⁷, по свидетельству соборной описи 1701 года, «в празднишные дни» прежде поставлялась на налой**. В настоящее время она покрыта ризой и потому ее рисунок виден не во всех подробностях. Средину ее занимает одр Богородицы, в ногах его 6 апостолов и в возглавии 5 апостолов; Господь держит душу Божией Матери, за Ним небольшое изображение ангела — очевидно архангела Михаила, и более нет никаких других иконографических подробностей. Такое изображение события успения пресв. Богородицы стоит весьма близко к тексту нового сказания о сем, вполне согласно с ним. Когда

---

* См. Русскую Историческую Библиотеку, Спб. 1876 г., т. III, стр. 109. «И как по 6-й песни начнут пролог чести»...

** См. Русскую Историческую Библиотеку, Спб. 1876 г., т. III, стр. 679. Ср. Описание Успенского собора, сост. протоиереем А. Левшиным и Указатель святых и достопамятностей его же, сост. священ. Г. Истоминым, изд. 2-е, М. 1893 г., стр. 20.

эта икона поступила в Успенский собор — прямых сведений нет; но в соборных описях, составленных в первой половине XVII в., она не упоминается, а впервые она появляется в описи 1701 г.* Если же эта икона появилась во второй половине XVII в. при царе Алексее, в то же самое время, к которому относится и составление нового сказания, то невольно напрашивается вопрос: одновременное появление и сказания и иконы не стоит ли в какой либо связи между собой?

Во всяком случае, найденное мною сказание об успении пресв. Богородицы весьма любопытно и как новое литературное произведение, указывающее на процесс своего составления, — и как произведение царя Алексея, дающее ему право на звание духовного писателя, — и как новая неизвестная доселе редакция сказаний об успении пресв. Богородицы, — в виду чего я и привожу его полный текст <...>.

---

* См. Русскую Историческую Библиотеку, т. III.